

Улица Раугиклос (Raugyklos g.)

Какого цвета ваши танцы

— Танцуем синий, — говорит Фрида. — Сейчас танцуем синий. Пожалуйста, все вместе, сосредоточились, да-да-да, совершенно верно... Эй, Дайва, девочка, синий, а не голубой. Темнее, еще темнее. И еще. Вот так.

Девочке Дайве пятьдесят четыре года. У девочки Дайвы тонкие шиколотки, прямая спина, зеленые глаза, глубокие морщины у рта, неудачная завивка, маленький вздернутый нос, под корень остриженные ногти и ни одного лишнего килограмма. У девочки Дайвы есть работа в школьной библиотеке, для души, и еще одна, о которой она не расскажет ни за что, никому, хоть режьте, ей кажется, что пожилой женщине с высшим педагогическим образованием стыдно зарабатывать на жизнь уборкой чужих квартир, но деньги очень нужны, а сил пока, слава богу, хватает, да и умения не занимать. У девочки Дайвы деревянный дом на Жверинасе, ветхий, зато свой, с маленьким палисадником, где летом цветов больше, чем во всем остальном квартале. У девочки Дайвы есть еще две девочки — внучки, а третьей девочки, дочки, нет уже пять лет, царствие ей небесное. Муж девочки Дайвы умер еще раньше, не дожидая смерти любимой

дочери, можно сказать, повезло; сын девочки Дайвы жив-здоров и счастливо женат, только поселился очень уж далеко, аж в Канаде, в гости особо не поездишь, а что делать. Девочка Дайва отлично танцует, потому что в юности немного занималась балльными танцами, но цвета она путает чаще других, вернее, не путает, просто представляет что-то свое. Знает, что так нельзя, но вечно как черт под локоть толкает, никакого сладу.

Но у Фриды особо не забалуешь. Фрида говорит:

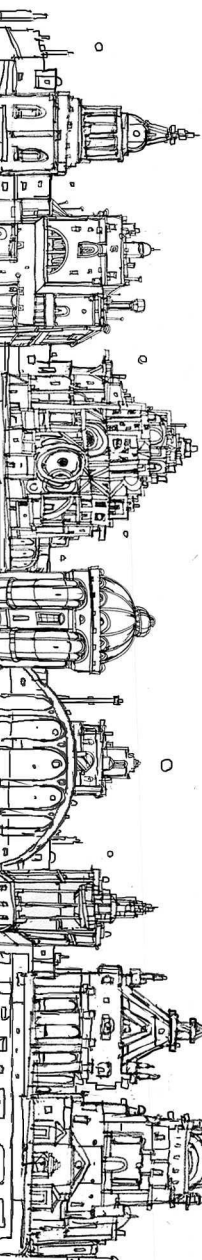
— Голубой будет когда-нибудь потом, девочка, это я тебе твердо обещаю. А сейчас танцуем синий, вместе со всеми. Давай, моя хорошая, давай.

На темной, освещенной лишь окрестными окнами улице стоит человек в дорогом кашемировом пальто. И, затаив дыхание, глядит на танцующих. Даже рот приоткрыл, как ребенок, впервые попавший на представление фокусника.

* * *

Никогда в жизни не танцевал. И не собирался этому учиться. То есть просто не думал о танцах, как и о великом множестве других, теоретически хороших, но совершенно неинтересных лично ему вещей.

Но когда проходил вечером по улице Раугиклос мимо больших ярко освещенных окон танцевальной студии, занимавшей весь первый этаж невысокого серого дома, невольно замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Стоял, смотрел. Глаз отвести не мог. И не потому что люди там, внутри, так уж хорошо танцевали. То есть вполне может быть, что хорошо, но его зацепило другое. Все лица светились такой радостью. Никогда не видел столько радостных людей

Улица Раугиклос (Raugyklos g.)

Какого цвета ваши танцы

7

сразу. Собственно, даже одного не видел — радостного настолько.

Хотя одного-то как раз видел. Когда-то — практически каждый день. Но Лиса нет уже так давно, что — не считается.

Добрую четверть часа стоял как замороженный, глазел на танцоров. И простоял бы еще дольше, да ноги замерзли. И снег опять пошел.

Уже сворачивая на Швенто Стяпано, зачем-то обернулся. И увидел, как теплый желтый электрический свет в окнах мигнул, погас и тут же снова вспыхнул — синим. Но миг спустя все стало как прежде. Решил — наверное, померещилось. Или это светомузыка такая у них? Как на дискотеке?

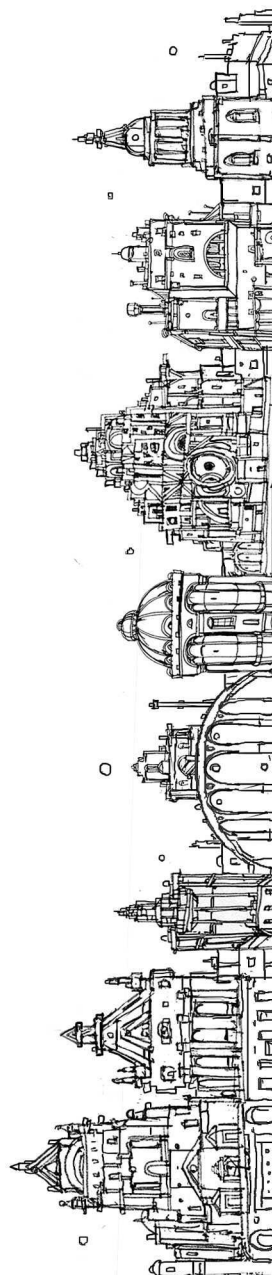
Впрочем, какая разница.

...На следующий день специально пошел домой этой дорогой. И даже в пятницу, хотя из бара, где сидел с друзьями после работы, логично было бы проложить другой маршрут. Гораздо короче.

В субботу было так холодно, что весь день просидел дома. Но в воскресенье собрал волю в кулак и выгнал себя на улицу. Официальная версия — в супермаркет за продуктами; на самом деле куда и зачем угодно, любой предлог хорош, лишь бы не киснуть в четырех стенах.

Когда понял, что вместо супермаркета идет в направлении улицы Раугиклос, совершенно не удивился. Даже обрадовался. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы жопу от дивана отрывало. Хоть изредка. А то невозможно же.

На зрелища особо не рассчитывал. Полдень едва миновал, вряд ли в помещении горит свет. А без него хрен что разглядишь. Но все равно пошел — просто

так, почему нет. Погода хорошая, и температура наконец поднялась до вполне терпимой. Когда еще гулять.

Окна танцевальной студии были не просто темны, но и завешены шторами. Этого следовало ожидать. Все-таки воскресенье. Все вокруг закрыто, все отдыхают, и танцоры тоже. Имеют право.

— Извините меня, пожалуйста, — произнес женский голос за его спиной. Звонкий, теплый, глубокий, отличной поставленный голос. Слушать его было приятно, как пить на морозе горячий вишневый пунш. И, наверное, так же легко захмелеть, переусердствовав.

Обернулся. И увидел женщину столь ослепительную, что застыл перед ней, открыв рот. Даже не спросил, за что она просит прощения. Какая разница.

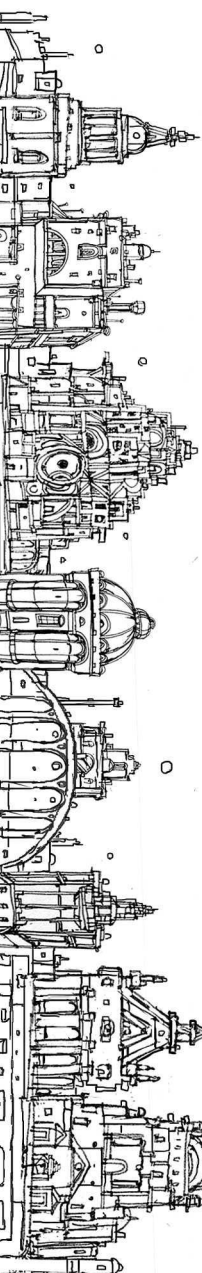
Потрясшей его красавице было никак не меньше шестидесяти. («Семьдесят восемь, — однажды признается Фрида и после небольшой паузы с нескрываемой гордостью добавит: — Уже пятый год кряду семьдесят восемь; мне-то все равно, но люди почему-то шарахаются от больших чисел»). Однако этот разговор состоится еще нескоро, сперва им придется подружиться, а дружба — дело далеко не одного дня.)

У нее были совершенно белоснежные волосы, золотое от загара лицо, высокие скулы, породистый тонкий нос, аккуратный, но резко очерченный подбородок и огромные глаза невозможного фиалкового цвета. В левом углу длинного чувственного рта притаилась улыбка, правый же трагически изогнулся вниз — поди разбери, что получается в сумме.

— Внешность обманчива, — усмехнулась она в ответ на его немое восхищение. — Всю мою жизнь люди думали, будто я создана для любви. А это не так. Я — только для танцев.

Зачем-то повторил за ней вслух:

— Для танцев.

И наконец очнулся. Спросил:

— А почему вы извинились?

— Ну как же, — она удивленно приподняла тонкую бровь. — За опоздание. Должна была явиться в полдень, а уже четверть первого. Вы же записываться пришли? В танцевальную студию? Долго ждете?

Покачал головой:

— Нет, что вы. Не записываться. Просто мимо шел... То есть, положила руку на сердце, не совсем просто. Уже несколько раз проходил мимо ваших окон по вечерам, смотрел, как танцуют. И подумал: а вдруг сегодня тоже. Не сообразил, что еще слишком рано. И вообще воскресенье.

— Ясно, — кивнула она. Но вместо того, чтобы отвернуться и уйти, протянула ему руку в лиловой бархатной митенке. Сказала: — Меня зовут Фрида. И мне почему-то кажется, что вы с удовольствием выпьете со мной чаю. А я редко ошибаюсь в людях.

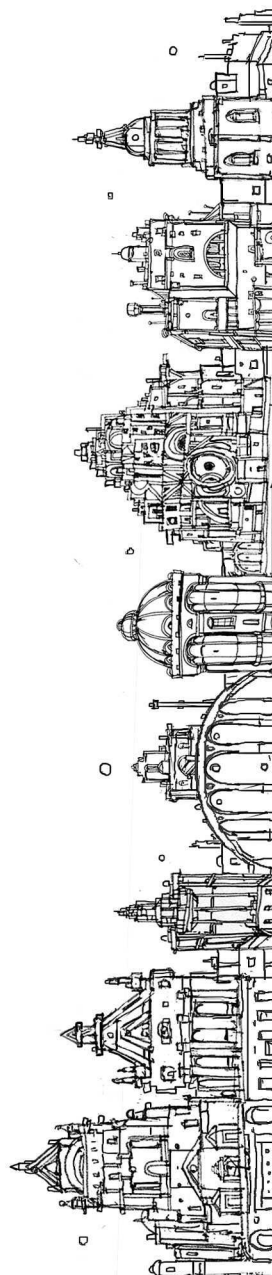
Рука оказалась маленькой, но очень сильной. И такой горячей, словно только что держала кружку с чаем, который ей еще только предстояло заварить.

Ужасно смутился. Но обрадовался гораздо сильнее.

— Вы совершенно правы. Выпью с удовольствием, сколько нальете. И, чего доброго, добавки попрошу.

— Да, — серьезно подтвердила Фрида. — Такое развитие событий вполне возможно.

Отперла дверь, трижды повернув ключ. В огромный зал с паркетными полами не пошли, сразу свернули в кухню. Фрида сняла тяжелое, подбитое каракулевым мехом пальто, осталась в сиреневом, под цвет глаз, платье. Переобулась в серебристые босоножки с закрытой пяткой, на невысоком устойчивом каблучке. Налила воду из бутылки в электрический чайник, щелкнула кнопкой, поднявшись на цыпочки,

взяла с полки две керамические кружки, синюю и лиловую. А он стоял на пороге и зачарованно следил за этими нехитрыми действиями. Движения Фриды были похожи на танец; строго говоря, они и были танцем. И даже подходящая музыка начала звучать в его сознании, простенький медленный вальс. Впервые за черт знает сколько лет.

— Вы слышали мою музыку, да? — усмехнулась Фрида. — Ничего-ничего, не переживайте, мелкие безобидные галлюцинации на этой кухне в порядке вещей. — И, не дожидаясь ответа, спросила: — Вам нравится смотреть, как танцуют? Поэтому ходили в наши окна заглядывать?

Вежливо сказал:

— Да.

Но тут же исправился:

— Хотя вообще-то нет.

И наконец дал самый честный ответ:

— Сам не знаю. Я, наверное, все-таки не столько танцы смотрел, сколько лица разглядывал. Такие счастливые были все... Нет, даже не так. Не просто счастливые, радостные. А это совсем большая редкость.

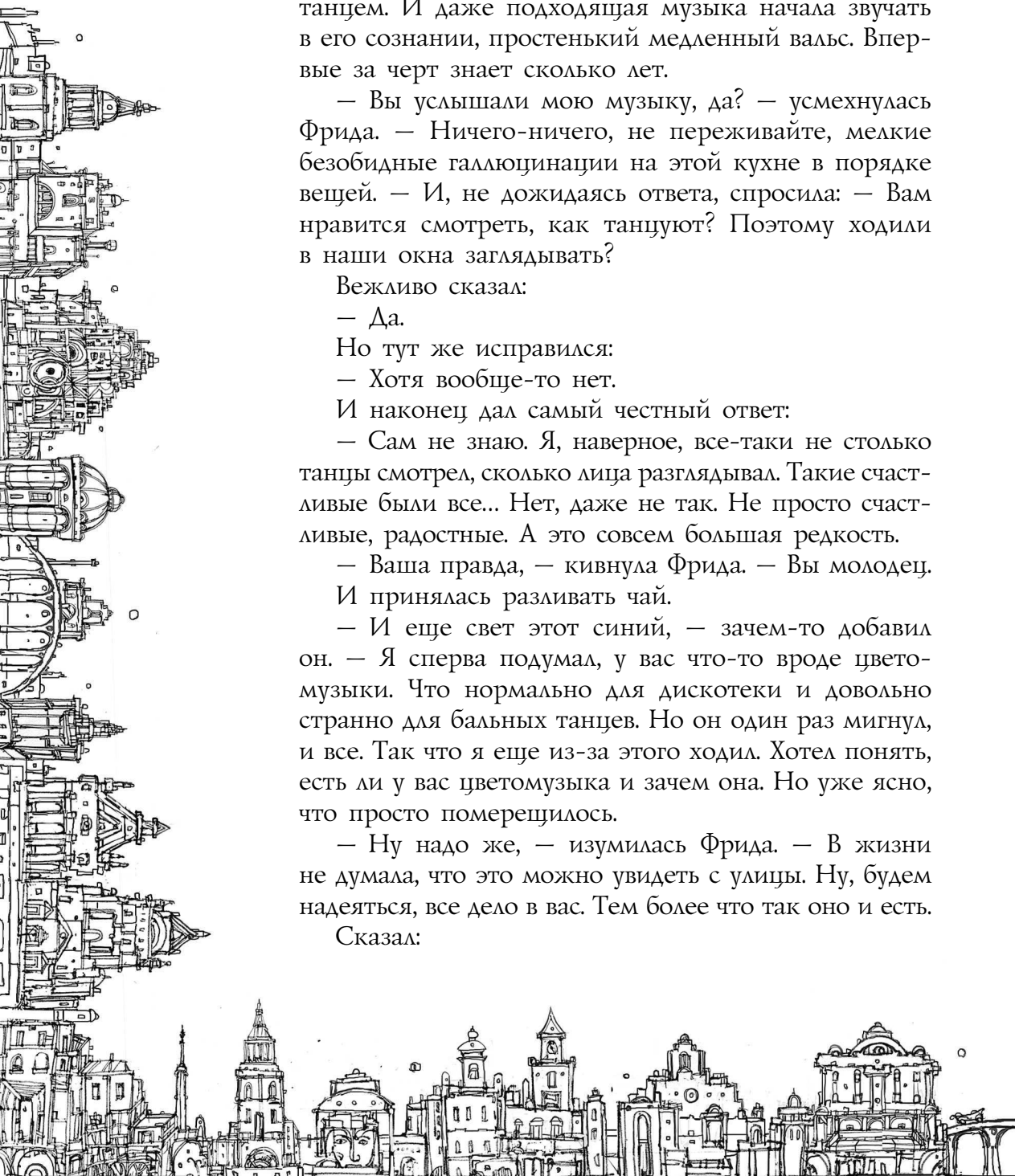
— Ваша правда, — кивнула Фрида. — Вы молодец.

И принялась разливать чай.

— И еще свет этот синий, — зачем-то добавил он. — Я сперва подумал, у вас что-то вроде цветомузыки. Что нормально для дискотеки и довольно странно для бальных танцев. Но он один раз мигнул, и все. Так что я еще из-за этого ходил. Хотел понять, есть ли у вас цветомузыка и зачем она. Но уже ясно, что просто померещилось.

— Ну надо же, — изумилась Фрида. — В жизни не думала, что это можно увидеть с улицы. Ну, будем надеяться, все дело в вас. Тем более что так оно и есть.

Сказал:

Какого цвета ваши танцы

— Я не понимаю.

— Ну а чего вы хотели, — рассудительно заметила Фрида. — Если уж вызвались пить чай с незнакомой эксцентричной старухой, приготовьтесь к тому, что речи ее будут вздорны и туманны. Согласны ли вы продолжать беседу на таких условиях?

— Да я на любых условиях согласен, — признался он. — Лишь бы подольше тут с вами посидеть.

— Вот это разговор! — рассмеялась Фрида. — Вот это по-нашему! Осторожно, молодой человек, если продолжите в том же духе, я буду вынуждена признаться, что обожаю вас.

* * *

Чай пах мятой и малиной, и он старался пить как можно медленней. Чтобы отсрочить неизбежный момент, когда придется прощаться и уходить.

— Мне кажется, — вдруг сказала Фрида, — что вам очень нужен хороший друг. И еще мне кажется, что я могла бы им стать — теоретически. Но на практике, скорее всего, ничего не выйдет. Чтобы дружить со мной, надо танцевать. Вот если бы вы пришли записываться...

— Вы бы меня все равно не взяли. Я не умею танцевать. Мало кто умеет, я знаю, но я в этом смысле вообще уникам. Даже хороводы в детском саду не водил. Обижался, уходил в дальний угол и сидел там, дуясь на всех, ждал, когда прекратится безобразие и можно будет снова поиграть в прятки или салочки. С тех пор так и пошло.

— Конечно, вы не умеете танцевать, — кивнула Фрида. — Это совершенно нормально. Собственно, затем ко мне и приходят, чтобы научиться; в большинстве

случаев, как и вы, с нуля. У нас иное ограничение: я не беру профессиональных танцоров. Но вас это, к счастью, не касается. Поэтому вы можете попробовать. Первое занятие бесплатно. Не понравится — никто вас неволить не станет. Понравится — платите десять литов в месяц, и добро пожаловать.

Хотел наотрез отказаться. Какое занятие, вы что?! Но вместо этого почему-то спросил:

— Всего десять литов? По-моему, это благотворительность.

— Она и есть, — кивнула Фрида. — Благотворительность в чистом виде. Но не моя. Помещение нам одолжил один из моих учеников, так что скидываемся, считайте, только на коммунальные платежи. Что остается, тратим на чай и печенье. Если бы нам приходилось платить за аренду полностью, десятью литами в месяц, конечно, не обошлось бы... Кстати, о расходах. У вас есть туфли на тонкой кожаной подошве? Если нет, придется купить.

— На кожаной — точно есть. Не знаю только, можно ли считать ее тонкой. Никогда об этом не думал.

— Ладно, посмотрим. А костюм? У вас есть костюм?

— У меня их шесть штук.

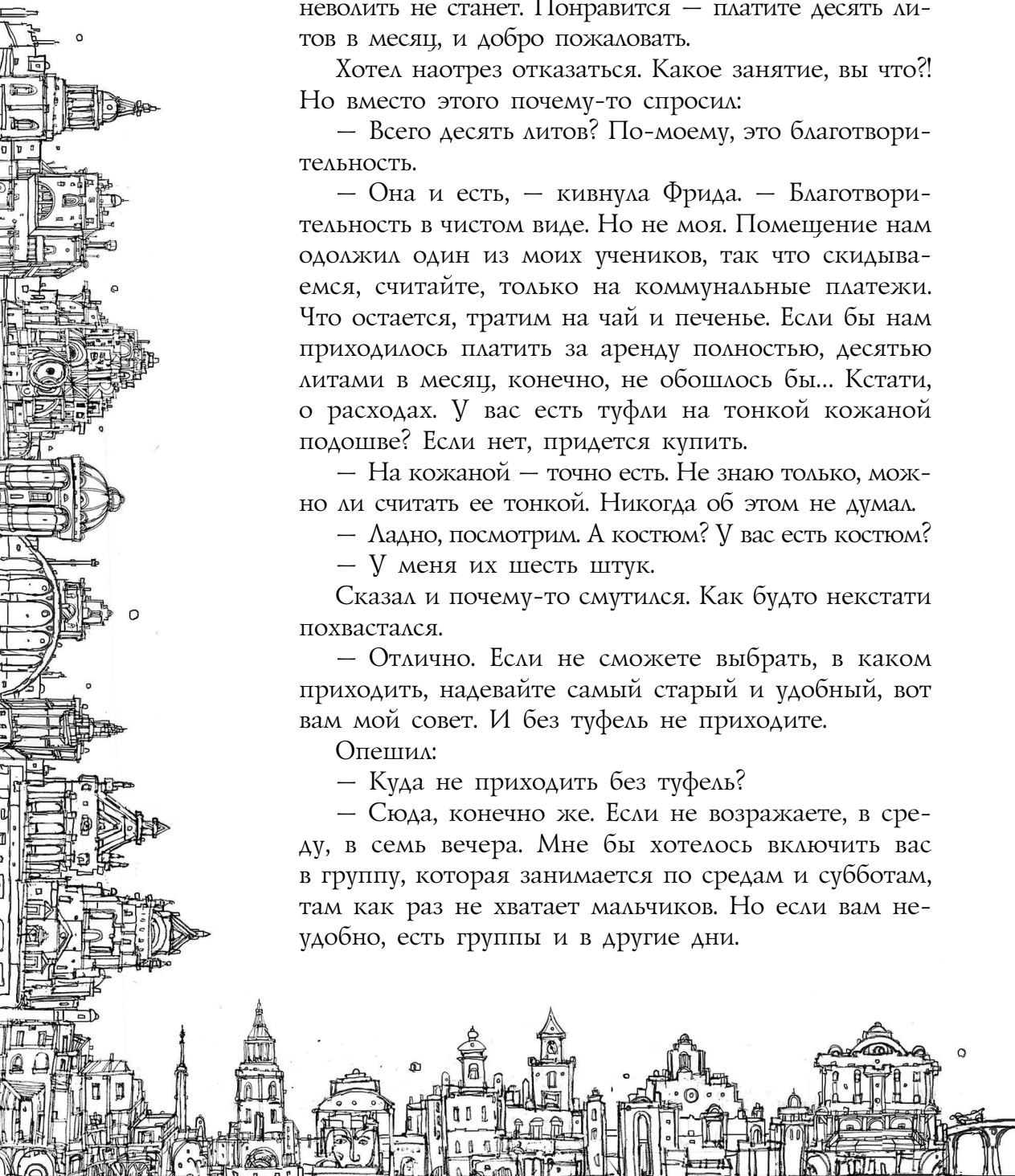
Сказал и почему-то смутился. Как будто некстати похвастался.

— Отлично. Если не сможете выбрать, в каком приходите, надевайте самый старый и удобный, вот вам мой совет. И без туфель не приходите.

Опешил:

— Куда не приходите без туфель?

— Сюда, конечно же. Если не возражаете, в среду, в семь вечера. Мне бы хотелось включить вас в группу, которая занимается по средам и субботам, там как раз не хватает мальчиков. Но если вам неудобно, есть группы и в другие дни.

Пожал плечами:

— На самом деле абсолютно все равно. У меня все вечера более-менее свободны.

— В вашем возрасте это совершенно ужасное признание, — серьезно сказала Фрида. В фиалковых глазах светилось неподдельное сочувствие.

Спросила:

— Как вас записать? Скажите имя, фамилия мне ни к чему.

Понял, что пора решительно отказаться, а потом встать и уйти. Чай отличный, и кухня такая уютная, что сидел бы тут вечно, но зачем морочить голову этой чудесной женщине. Она, похоже, уже уверена, что заполучила нового ученика. И чем раньше будет разочарована, тем меньше в итоге огорчится.

Но вместо этого почему-то сказал:

— Лис.

И дважды соврал. Во-первых, это было не имя, а прозвище. А во-вторых, чужое.

Подумал: «Господи, что на меня нашло. Зачем записал в танцевальную студию мертвого друга? Сходил, называется, за хлебом, вот молодец».

Подумал: «С другой стороны, так даже лучше. Я не умею и не люблю танцевать, а Лис любил. Ему, в отличие от меня, здесь самое место. Наверное, он был бы только рад».

Подумал: «Теперь придется прийти, не могу же я подвести Лиса».

* * *

— Танцуем серый, — говорит Фрида. — Анна, принцесса, не хмурься, что за предрассудки, серый — прекрасный цвет, особенно когда он цвет шелка, струится и переливается, ты только представь.

* * *

...Принцесса Анна — самая младшая в группе. Принцессе Анне тридцать два года. Принцесса Анна — не самая удобная партнерша, рост ее равен одной греческой оргии*, и слава богу, что не египетской**. Но это, полагает принцесса Анна, вовсе не повод сутулиться и отказывать себе в удовольствии носить каблуки. Принцесса Анна феноменально рассеянна, она может внезапно остановиться посреди танца, просто забыв, где находится и что сейчас следует делать. Принцесса Анна — математик, программист и переводчик с полудюжины славянских языков; она привыкла думать на всех сразу, включая Си и Паскаль. В этом, смеется Фрида, и состоит проблема.

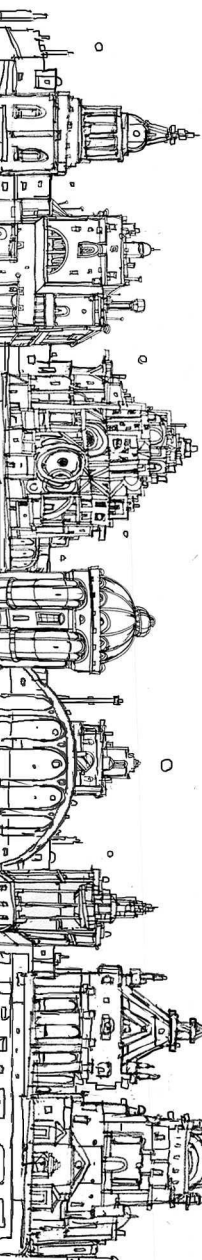
Зато иных проблем у принцессы Анны нет. У принцессы Анны темные брови взлет, пепельные волосы до лопаток и глаза цвета зимних сумерек. Она прекрасна, как элитное модельное агентство в полном составе, беззаботна, как еще не усевшаяся на яйца птичка, и ни в кого не влюблена. Обниматься с принцессой Анной — почти такое же счастье, как танцевать с Фридой. Это счастье нельзя заслужить, оно всегда достается даром — тому, кто нуждается больше прочих.

— Фрида, — говорит принцесса Анна, — ты была совершенно права, серый шелк — это действительно очень красиво. Но теперь он так громко шуршит у меня в голове! Я даже музыку почти не слышу.

— Ничего, ничего, — смеется Фрида, — пусть себе шуршит. Это тоже музыка. Танцуем серый, принцесса. Сейчас танцуем серый.

* *Оргия* — единица измерения длины в Древней Греции. Наиболее известна т. н. олимпийская оргия, равная 1,8514 м.

** Египетская оргия времен фараонов составляла 2,094 м.

* * *

— Это была худшая посадка в моей жизни, — говорит коллегам пилот самолета польских авиалиний, только что прилетевшего из Варшавы. — Или, наоборот, лучшая, это как поглядеть. Потому что в итоге все целы, по-моему, даже испугаться толком не успел никто — кроме меня. Я, кстати, не представлял, что столько молитв знаю. Откуда? У нас в семье только мамина бабка в церковь ходила. И тут вдруг из меня как полилось.

— В последний момент, — говорит он, устало опустив голову на руки. — В самый последний момент вдруг все стало хорошо. И мы сели прямо как в учебном фильме — и-де-аль-но. Если это не чудо, то... То все равно чудо. Иного объяснения нет.

* * *

— Ну надо же, — восхитилась Фрида. — Пришел! А я-то, глупая, волновалась. Дети мои, это Лис. Он к нам пришел, счастливчик. Любите его отныне, как меня и друг друга.

И, не желая обуздывать бурю охвативших ее чувств, закружила по залу, вальсируя с невидимым партнером, тихонько напевая себе под нос: «Лис пришел, Лиспри-шел, Лиспришел».

Ноги ее не касались пола. «Дети» (в возрасте примерно от тридцати до семидесяти), видимо, и не к такому привыкли, а он смотрел, распахнув рот. Наконец смущенно переспросил:

— Вы волновались? Но почему?

— Как — «почему»?! — Фрида даже плясать перестала. — Да потому что ты мне позарез нужен, счаст-

